

Татьяна КРИНИЦКАЯ

Родилась в Красноярске. Окончила Горьковский государственный пединститут (историко-филологический факультет, выпуск 1980 года). Работала в СМИ – корректор, корреспондент и обозреватель в газетах «Саров», «Саровская пустынь», «Городской курьер», «Новый город» и «Вести города», редактор информационного «Центра развития Саровского инновационного кластера».

Лауреат ряда всероссийских журналистских конкурсов, дипломант межрегионального литературного конкурса «За далью – даль» и международного литературного конкурса «Русский Гофман».

Живет в Сарове.

ОХ КАК НЕПРОСТ ПРОСТОЙ МУЖИК ОПАРИН!

О рассказе Елены Крюковой «Последний конь»

«Последний конь» – этим рассказом Елены Крюковой открывается 6-й номер журнала «Нижний Новгород» за 2024 год. Елена Крюкова – прозаик, поэт, эссеист. У автора немало публикаций в российских и иностранных толстых литературных журналах – в том числе в «Нижнем Новгороде» и «Неве», победы на российских и зарубежных литературных конкурсах. Е. Крюкова – автор необычных, остросюжетных ситуаций, она обращается к жизненным впечатлениям и профессиональному опыту, к чистому вымыслу и историческим фактам. Крюкова-прозаик – автор многоплановый: мастерски пишет и романы со сложной композицией, мозаичные, мощно, симфонично звучащие, и короткие рассказы. Пример тому – «Последний конь».

...Что такое хороший рассказ? Это история и язык. Правда, иногда в рассказах важнее, *как* ты рассказываешь, чем *о чём* ты рассказываешь. Лет семь читаю работы участников международного литературного конкурса «Русский Гофман» и нередко сталкиваюсь с таким: и историю-то незаурядную, яркую претендент направляет на рассмотрение жюри, но... написана она таким суконным языком, что диву даёшься – своими руками губят рассказ.

«Последний конь» Елены Крюковой языком впечатляет! Сочно, разнообразно, зримо.

Рядом с миской мёда стоит фарфоровая чашка, в ней – холодные блины, это Ирина утром пекла. Ещё стоит тарелка, и в ней размазана сметана. Надо сворачивать блин трубочкой, обмакивать в сметану и наяривать. Вкусные блины у Ирины Петровны.

Или:

Хм! Плотником, говоришь? – Юра задумывается. – Поп наш, отец Виктор, нам этого не говорил. А только невнятицу бормотал да кадилом вонючим кадил. Охмурял!

Что у иного автора выглядело бы пошлостью, у Е. Крюковой, именно благодаря её умению обращаться со словом, вовсе не грубо, не грязно и не постыдно – и неприличные частушки с прозрачайшими эффемизмами, и голые задницы в кустах у церкви:

– Гармонист, гармонист, шишка фиолетова!.. Ледянова не люблю, а люблю нагретова... Эта девка ничаво, и вот эта – ничаво, а вот эту я заметил – она дышит чижало... Э-э-эх-х-х-х!..

Он-то, живой муж, сам хрен не промах! Сам с краляшкой очередной за углом да под кустом, то на Ястребином бугре, то на Венце, у церкви, и не стыдно сношаться-то, голожопым, у храма Божьего в кустах... охальники!

Завязка рассказа: чаепитие главного героя – простого мужика и интеллигентной дамы. Елене Крюковой нескольких штрихов достаточно, чтобы читатель увидел живую картинку и много понял о героях. Простой мужик Юрий Опарин ох как непрост! Не впрямую, не в лоб автор показывает разницу в социальном статусе персонажей: «Я отпиваю чай из маленькой, кокетливо-городской – странной в деревне – чашечки», непонятно как затесавшейся в этот дом, и «Фарфоровая чашка чуть позванивает, вибрируя, от обертонов (вот она, интеллигентная дама! – Т. К.) его звонкого, пробивающего старость насквозь, вечно молодого тенорка». Автор не растекается описаниями; показатель её мастерства – тонкие не прямые характеристики, крупные мазки. Ничего лишнего. Сочно.

Беседа героев рассказа – не абы о чём, о Боге!..

– Вернёмся ко Христу. – ...Волнуюсь очень. Ну как ему сказать, доказать, показать, что Бог – есть? – Он жил среди людей. О Нём историки Его времени упоминали. Сохранились письма древние... документы. Книжки всякие! Но не в них дело! – Я тороплюсь. Я говорю что-то не то. ...

– Ты медку-то поешь, поешь, – насмешливо и тепло улыбаясь, пододвигает ко мне миску с мёдом Юра. – Я тебя слушаю внимательно.

Катехизатор из героини рассказа так себе, воодушевление и энтузиазм её ожидаемо пропадают втуне. И над этим Е. Крюкова невесело посмеивается.

(Для раздумий есть причина: христианизация поволжских малых народов – не слишком давний процесс, всего-то лет четыреста-пятьсот, и идёт с весьма условным успехом. Да что там столетия подсчитывать! Давний знакомый нашей семьи иеромонах Афанасий лет двадцать назад окормлял жителей соседних с Саровом мордовских деревень. Не допуская эмоций, он рассказывал, как до отпевания приходилось убирать из изголовья домовины у усопших мужчин топоры – это отголоски языческих верований.)

Но далее:

Он не верил в Бога. Никогда не верил в Бога. Почему ж теперь он видел это – и тусклый, тёмно-золотой огонь свечи в сумеречной избе, и закопчённые чернью кровавых веков, как копчёные сурские сомы, иконы...

И нас вовсе не смущает, что «богословская» беседа героев органично заканчивается пением непристойных частушек, а автор в завершение

ненавязчиво подводит к вечному: «Я спрашивала Юру, как по-чувашски будет: хлеб, вода, земля, свет, жизнь. Только как будет смерть – не спросила».

Не спросила...

А что же история? История читается легко, если правильно выстроена. Здесь – классический вариант построения текста. «Последний конь» и история-рассказ, и история-процесс: история человека, рода, страны и жизни вообще, а в дополнение – взаимодействие государства и человека.

И так эту церковь-развалюху Юрий Иванович и фотографировал: с покорённым крестом, без купола, со стенами, будто бы бомбили её с воздуха. Кино и немцы, седьмая серия! Да ведь это всё свои делали, свои... русские... никакие не фашисты, а свои...

– Русские?.. Не-е-ет, родненькая, народ делится всегда так: на своих и несвоих! На народ – и власть! И так было, есть и будет всегда.

Русские или не русские церковь разрушили – не тот вопрос; вопрос – свои или не свои! И это, кстати, основной вопрос внутрисоссийского нынешнего общежития.

Ещё жёстче взаимодействие народа и власти выписано во фрагменте с поджогом дома «мизгирьской царицы» Царапкиной:

Кто-то – на Юру Опарина – пальцем показал.

Показать – дело быстрое и нехитрое. Но тот узловатый палец Царапкина издалека увидала.

Взяли Юру быстро.

Судили.

И – в тюрьму посадили.

При совещкой-то, нашей, молодецкой, доброй такой власти! Справедливой!

А он на суде и не отрицал ничего.

– Я это, знаешь, Ирине тогда шепнул только: бесполезно отпираться, Царапкина всех судей купила, прокурора купила, всё равно засудят. Ей надо, чтобы виновный был.

А итог отношений «народ – власть» в рассказе «Последний конь» подводит Юрина частушка: «Я работала в колхозе, заработала пятак! Пятаком я зад прикрыла, а перед остался так! – И-и-и-и-их!»

Каждый из фрагментов – история человека, рода, страны и жизни вообще – могло бы вырасти в отдельное литературное произведение. Но Елена Крюкова спрессовала всё в одну историю, дополненную яркими этнографическими деталями и символизмом образов. «Последний конь» – замечательный образчик классической русской прозы.